

Политика колонизации свободных территорий Российской империи за счет привлечения трудовых ресурсов европейских стран. 1763 г. – XX в.

Аннотация. Статья посвящена историческому опыту России по освоению обширных земельных территорий в конце XVIII – XIX вв. посредством привлечения трудовых ресурсов из европейских стран. Исходя из основных положений Манифестов Екатерины II 1762, 1763 гг., авторы на документальной основе исследуют участие немецких крестьян в осуществлении колонизационной политики империи в Поволжье и Новороссийском крае. На этапе XX в. освещается участие российских немцев как мощного трудового ресурса в восстановлении союзной экономики, разрушенной в период отражения фашистской агрессии в 1941–1945 гг., а также активное участие немцев в восстановлении экономики Союза ССР в 1940–1980-е годы, возрождении культуры.

Ключевые слова: история, Екатерина II, немецкие колонии, освоение земель, расселение, мобилизация, депортация, коллективизация, Автономия немцев Поволжья, советская власть, консолидация, патриотизм.

Abstract. The article is focused on Russia's historical experience of settling vast land territories at the end of the 18th – 19th centuries by means of attracting labour resources from European countries. Based on the key provisions laid down in the Manifestos of Catherine II in 1762 and 1763, the authors investigate on a documental basis the participation of German peasants in realising the Empire's colonisation policy in the Volga and Novorossiysk regions. The authors highlight the role of the Russian Germans as a powerful labour resource in restoring the Soviet economy in the course of the 20th century, after its devastation during the period of resistance to the Fascist aggression in 1941–1945, as well as the Germans' active role in reviving USSR's economy in 1940–1980s and in the cultural rebirth.

Key words: history, Catherine II, German colonies, land settlement, resettlement, mobilisation, deportation, collectivisation, Volga German autonomy, Soviet government, consolidation, patriotism.

На протяжении столетий на южных и юго-восточных рубежах России оставались не заселенными обширные пространства с плодородными землями. По берегам мелководных рек кочевали калмыцкие, башкирские и киргиз-кайсацкие племена. Редкие, рассыпанные по периметру природных границ, славянские селения безуспешно оборонялись от разбойничьих вторжений воинственных соседей.

К моменту воцарения на престоле Екатерины II¹ у России уже был исторический опыт продолжительной борьбы со степью. Начиная

с XVI в., проводилась политика военной и земледельческой колонизации беспокойных территорий на Юге, Востоке и Юго-востоке империи посредством переселения великороссов и малороссов. Но к началу XVIII в. внутренний источник колонизации иссяк: основная масса земледельцев, оказавшись в тисках крепостной зависимости, утратила свободу передвижения по стране; другое крестьянское сословие – государственные крестьяне по своему положению в социальной иерархии не могли быть объектом массового переселения на безлюдные окраины.

Екатерина II, определяя ориентиры внутренней политики, обратилась к проблеме освоения земель, «праздно остающихся для произ-

¹ Екатерина II (1729 – 1796). Императрица России с 1762 г.

Проект подготовлен при поддержке – Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (координатор: академик А.П. Деревянко).
Направление 2. Советская модернизация и ее влияние на российское общество
(координаторы – член. – корр. РАН Е.И. Пивовар, д.и.н. Ю.А. Петров).

ведения общенародной пользы». Она понимала, что успех возможен, если колонизация будет осуществляться усилиями крестьян, свободных от феодальной зависимости. В одной из заметок императрица наметила гипотетическую программу действий, в которой высказала демократическую по сути идею: «... чем больше над крестьянином притеснителей, тем хуже для него и для земледелия... Великий двигатель земледелия – свобода и собственность. Когда каждый крестьянин будет уверен, что то, что принадлежит ему, не принадлежит другому, он будет улучшать это. Государственные налоги ему не тяжелы, в виду того, что они умеренны, и если государство вовсе не нуждается в увеличении доходов, земледельцы могут располагаться, как им удобно, лишь бы имели они свободу и собственность» [4, 346].

Советники обратили внимание императрицы на исторический парадокс: в то время, как русские крестьяне осваивали сибирские просторы, запахивали «государеву пашню», земли на территории Саратовской, Ставропольской, Астраханской, Оренбургской губерний, все Заволжье оставались безлюдной глухоманью, достоянием кочевников. Екатерина принимает предложение графа П.И. Панина: заселить пустующие угодья за счет приглашения иностранцев, обеспечив их земельными наделами на правах собственников и свободных предпринимателей.

У П.И. Панина были все основания выступить с такой новацией. В 1760-х гг. европейские страны представляли собой неиссякаемый источник трудовых ресурсов. Семилетняя война вихрем прошла по Австрии,

Пруссии, Саксонии, Швеции², стерла с лица земли признаки их социального благополучия. По дорогам бродили тысячи разорившихся ремесленников; крестьян, изгнанных феодалами с наследственных земель; солдат, выброшенных на обочину жизни в результате поражения европейских армий. В Правительствующий Сенат России обращались с «челобитными» предпримчивые иностранцы с предложением набрать в зарубежных странах людей для переселения в Россию.

На совещаниях, проведенных Екатериной с группой приближенных лиц – генерал-прокурором Сената А. И. Глебовым, графом Г.Г. Орловым и другими советниками была разработана

² Семилетняя война (1756 – 1763) – между Австрией, Францией, Россией, Испанией Саксонией, Швецией – с одной стороны, и Пруссией, Великобританией и Португалией – с другой.

стратегия безопасности страны от враждебных набегов приграничных территорий и введения в хозяйственный оборот «пустопорожих земель», столетиями остававшихся без обработки.

14 октября 1762 г. Екатерина подписала Указ Правительствующему Сенату, а 4 декабря 1762 г. – Манифест о позволении иностранцам селиться в России. Переведенный на латинский, немецкий, французский, шведский, голландский языки, Манифест был распространен в европейских странах через газеты, а также посредством объявлений в церковных приходах.

Откликов на приглашение иностранцев в Россию, против ожидания в Петербург не поступило: в Манифесте не разъяснялось, на каких условиях предлагается переселение в далекую, загадочную для многих Россию. Екатерина запросила мнение о Манифесте сенаторов. Одним из первых откликнулся граф А.Б. Бутурлин, указавший на германские княжества, как на источник трудовых ресурсов для Российской империи. После Семилетней войны, писал граф, «на немецкой земле многие ремесленные люди разорились, отстав своих домов, а наипаче по мелким городам, где войско проходило, без настоящего пристанища находятся. А другие и на местах так обедняли, что принуждены пропитания, прибежища и покровительства искать в ближайших городех...» [13, 166,167].

22 июля 1763 г. Екатерина подписывает Манифест – «О дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах». Новое приглашение публикуется на европейских языках, рекламируется дипломатическими представительствами России в Австрии, Швеции, Голландии и других странах.

Манифест предлагал иммигрантам льготные условия: переезд за счет русского правительства, свободный выбор места поселения; свободное отправление веры, освобождение на 30 лет от налогов и постоев, навечно – от обязательной военной и государственной службы. Гарантировалась беспроцентная ссуда на обустройство хозяйства; разрешалось строить промышленные предприятия, причем их владельцы получали исключительное право – приобретать работников из среды местного населения – «позволяем покупать надлежащее число к тем мануфактурам, фабрикам и заводам крепостных людей и крестьян» [13, 166-167].

В Манифесте Екатерина четко определила гражданский статус переселенцев: иностранец,

заявивший о «решительном своем намерении» поселиться в империи для хлебопашества, или записаться в купечество, обязан «учинить по вере своей и обрядам обыкновенную о подданстве Нам в верности присягу». Много лет спустя в российском законодательстве утвердилось понятие гражданства: в «Уставе о колониях иностранцев в Империи» (1857 г.) закрепляется норма: «Колонистам и их потомству предоставляются права гражданства не только в их колониях, но и по всей Империи» [15, 27]. Не только самим переселенцам, но и их потомкам были обещаны эти и другие привилегии.

К практическим действиям императрица перешла после обнародования Манифеста от 22 июля 1763 г. Была учреждена по совету графа Бутурлина «главная дирекция» – Канцелярия опекунства иностранцев во главе с Григорием Орловым. Екатерина II приняла непосредственное участие в разработке Инструкции Канцелярии опекунства, в которой обстоятельно были расписаны права и обязанности колонистов и ответственность чиновников Канцелярии за реализацию проекта; выделила 200 тыс. руб. для обеспечения переселенческого движения [13, 12-13, 28-29].

Возможность получить в вечное потомственное владение земельный надел, не заплатив ни гульдена, воодушевила тысячи жителей германских земель на эмиграцию в Россию. Автор фундаментального труда по истории колонизации А. Клаус писал: «Все нуждающиеся, не имевшие ни крова, ни пищи бросились записываться в колонисты, их манили не только льготы, но то, что каждый получал по 8 шиллингов в день на пропитание» [8:109]. Нанятые для набора переселенцев комиссионеры, так называемые «вызыватели», отправляют в Россию из Гессена, Вюртемберга, Мекленбурга, Пфальца, Померании толпы отчаявшихся искателей счастья.

Эмиграционный поток вызвал недовольство правящих кругов в курфюрствах Германии и Австрии, отток значительной части трудовых ресурсов не отвечал их интересам. В обществе стали распространяться слухи о том, что в России иммигрантов поселили на землях татарских князей, колонисты становятся жертвами грабительских набегов со стороны «диких орд кочевников». С такого рода сообщениями выступила одна из газет в Кельне. Екатерина в письме писателю Вольтеру разоблачает лживость враждебных слухов: «Так да будет же Вам известно, что моя прекрасная саратовская колония считает уже 29 000 жителей, и, назло Кельнской газете,

вовсе не боится татарских, турецких и других набегов; ... в каждом кантоне [построены] церкви его исповедания ... там мирно обрабатывают поля, и тридцать лет не будут платить никаких податей» [18, 303].

Первые колонии было решено создать в Поволжье, в районе Саратова. Но, как показали дальнейшие события, в Петербурге располагали не точными сведениями о степени заселенности этих мест. Когда в район предполагаемой колонизации прибыли первые иммигранты из Германии, выяснилось, что значительная часть земельных угодий уже обрабатывается местными крестьянами: русскими, малороссами и казаками. По берегам Волги и ее притоков были дисперсно расположены многочисленные деревни местных жителей, которые отнюдь не намерены были уступать обрабатываемые ими земли чужеземцам. «Поселение иностранных колонистов в Поволжье, – писал историк С.М. Соловьев, – повело к столкновениям с старыми русскими жителями в этой считавшейся пустой земле. Оказалось, что живущие в г. Саратове и в прочих тамошних землях дворяне, купцы имеют зимовья и при них пашню и крестьян по большей части на таких землях, на которые не только никаких крепостей у них нет, но и дач³ совсем не сделано...» [17, 410].

Президент Канцелярии опекунства граф Г.Г. Орлов докладывал Сенату: поселившись на землях, лежащих между реками Волгою и Медведицей крестьянам села Золотого земли не отведено; так же и жители, поселившиеся без указа по рекам Медведице, Хопру, Дону и по их притокам, захватив все лучшие земли, называют их принадлежащими к их имениям; ниже города Камышина к Царицыну расположились волжские казаки; крестьяне села Никольского и Покровского по реке Медведице указывают на свои владения по этой реке на протяжении 300 верст, где расположено более 100 селений, вплоть до Петровска. Несмотря на то, заявил Г.Г. Орлов, что местные крестьяне не в силах обработать прилежащие пространства, иностранцев селиться не пускают, между тем, эти земли предназначены для поселения иностранцев. Облеченный высокими полномочиями Президент Канцелярии опекунства предложил Сенату принять решение: самовольный захват земельных угодий терпеть нельзя, надо «потеснить слиш-

³ Дача – небольшая земельная собственность, дарованная царем, или выделенная по дележу, по отводу; крепость – документально оформленное право собственности на землю.

ком просторно живущих русских поселенцев, чтобы расселить иностранцев» [17, 411].

Сенат приказал: всем, кто владеет землей без документов (без дач и крепостей), отмерить земли местным крестьянам наравне с иностранцами на каждую семью по 30 десятин и оформить все в официальном порядке.

Учитывая, что иностранцы по Манифесту Екатерины освобождены от налогов на 30 лет, а местные жители налоги платят ежегодно, Сенат решил представить Екатерине доклад с таким мнением: «Несогласно было бы с ... милосердием [императрицы], когда выходящие иностранцы станут селиться на просторных и изобильных землях без всякого за них платежа, а подданные ее императорского величества будут платить, умалчивая о том, каковая от этого у тамошних старых жителей может вкорениться зависть к иностранцам» » [17, 411]. Сенат предложил не брать с местных крестьян уплачиваемый налог – 10 коп. за десятину.

С.М. Соловьев комментирует мнение Сената с точки зрения социальной справедливости: Сенат руководствовался тем обстоятельством, что вначале заселялась земля пустопорожня русскими колонистами, которые своим поселением взяли землю во владение, завоевав ее для государства если не у чужих народов, то у дикой природы, что гораздо человечнее; теперь «государство из-за очень спорных выгод искусственно увеличивает народонаселения чуждым элементом среди русских колонистов поселить иностранных, давши им ... льготы, давши землю даром; рождался естественный вопрос: за что же русские колонисты будут платить за занятую ими землю?» [18, 28]. И в этом же контексте Соловьев замечает: «Сенат переменял свое решение, велел вычеркнуть из доклада, чтоб с русских землевладельцев не брать по 10 коп. за десятину».

В Саратовской губернии земли для выходцев из Германии были размежеваны. Канцелярия опекунства развернула в Поволжье строительство жилых домов для переселенцев, привлекая к этому предприимчивых жителей Саратова. Одним из первых подписал контракт с Канцелярией опекунства иностранных крестьянин Пахринской волости Н. Павлов о строительстве 200 двойных дворов⁴. Для возведения домов и хозяйственных построек, подрядчики нанимали крестьян из соседних деревень. Но строительство

не поспевало за притоком иностранцев: в 1764 – 1765 гг. в Поволжье прибыли 27 тыс. человек. Канцелярия опекунства доносила в Сенат: «... немцев нахлынуло такое множество, что недостает рабочих людей, леса и других материалов для скорой постройки им домов». Сенат отвечал с бюрократическим равнодушием: «Вместо деревянных домов нельзя ли делать мазанки?».

Вместе с тем ситуация в Саратовской губернии начинала тревожить сенаторов: беспокоила не ограниченность материальных ресурсов и рабочих рук, а политические последствия иностранной колонизации. Сенаторы понимали, что привилегии для немцев, в том числе безвозмездное предоставление крупных земельных наделов вызовет недовольство местного населения: русские и малороссийский крестьяне еще не успели забыть, что несколько лет назад – в 1759 г. Русская армия разбила армию «великого полководца» Фридриха Великого и привела Германию на грань катастрофы. Сенат рекомендовал Канцелярии опекунства: больше всего следует избегать «вредного наряда с уездов крестьян к работам: это может произвести в старых жителях крайнее негодование и ропот, разорить целые села и деревни и потому надобно исправляться наймом вольных работников» [18, 28]. Опасаясь крестьянских волнений, Сенат приказал Канцелярии опекунства сноситься по каждому случаю недовольства с Саратовским губернатором. Через несколько месяцев прием иностранцев в Россию в качестве колонистов был прекращен до того времени, когда получают обустроенные хозяйства уже прибывшие на Волгу иммигранты.

Для оказания содействия Канцелярии опекунства в устройстве колонистов Екатерина 30 апреля 1766 г. подписала Указ об учреждении в Саратове «особой Конторы Канцелярии опекунства иностранных». Возникающие среди немецких поселенцев конфликты Контора обязана была рассматривать совместно с Саратовской Воеводской канцелярией.

Возведение жилых домов для колонистов, приобретение для них сельскохозяйственной техники, продовольствия, требовало значительных сумм. Выделенных Екатериной 200 тыс. руб. на год оказалось не достаточно. В ответ на донесения Г.Г. Орлова императрица 17 октября 1766 г. подписала Именной Указ Правительствующему Сенату о выдаче денег по требованию Канцелярии опекунства иностранных и ее комиссаров, из средств местных губернских ведомств. В этом уникальном документе императрица повелела чи-

⁴ Двор – дом с прилежащими постройками хозяйственного назначения.

новникам местных, губернских администраций: «во всех тех местах по требованиям Канцелярии или ея комиссионеров выдавать тотчас, сколько, когда требовано будет, из всяких сборов, какие бы налицо ни случались, а сколько оттуда выдано будет, о том в то же время писать в Канцелярию опекунства иностранных ...» [13, 132-133]. К Указу прилагался список 32-х городов, в котором значились: Тула, Ростов, Ярославль, Кострома, Ржев, Новгород, Воронеж и др.

Новая среда обитания поставила колонистов в трудные условия адаптации: на первых порах жилых домов для всех не хватало, пришлось ютиться в землянках; и старых, и малых косили болезни, вызванные природными и климатическими особенностями края; приходилось вести изнурительную борьбу с полевыми вредителями, уничтожавшими урожай на корню. Но всякую надежду на благополучную жизнь в Поволжье убивала враждебность кочевников: в 1772 г. на колонии обрушилась ненависть киргиз-кайсаков. Храбрые джигиты напали на мирные колонии, ограбили и увели в плен более 700 мужчин, женщин и детей для продажи на невольничьих рынках Турции и Хивы. В результате всех бедствий уже через несколько лет после водворения из 8 тыс. семейств осталось 5,5 тыс.; численность колонистов сократилась с 27 тыс. человек до 23,2 тыс. [4а, 51].

Прошло более десяти лет со времени основания первых немецких колоний на Волге. За это время чиновники Канцелярии опекунства убедились в том, что «вызыватели» людей за границей набирали без учета профессиональных навыков; значительную часть контингента составляли люмпены⁵ – деклассированные элементы – бродяги, нищие, уголовные рецидивисты. Эта бесшабашная вольница наотрез отказывалась работать на полях, и только требовала денег на проживание. Президент Канцелярии опекунства Г.Г. Орлов не раз пытался урезонить колонистов, проводивших время в пьянстве и азартных играх. Им направлялись письма. Г. Орлов пытался воззвать к их совести и человеческому достоинству, но тщетно [14]. А. Клаус замечал по этому поводу: «...первые партии переселенцев были неудачны: они ни по нравственным качествам, ни по физическому развитию не оправдали ожиданий и вовсе не соответствовали своему назначению» [8, 109].

Согласно Манифесту 1763 г., по истечении 10 льготных лет колонисты обязаны были возратить в 3 года истраченные на них денежные

средства; а после 30-и лет со дня прибытия на Волгу – платить подати и нести земельные повинности наравне с другими подданными. Но отчеты Саратовской конторы опекунства не оставляли надежд на уплату долга – положение иностранцев было тяжелое: земли не хватало, часть наделов представляли собой неудобные земли, вместе с тем начался процесс расслоения колонистской деревни.

В Сенате с участием Г.Г. Орлова был составлен обстоятельный доклад о положении дел на Волге. Рассмотрев доклад и мнение Канцелярии опекунства о порядках в колониях, устроенных вблизи Саратова, императрица, несомненно, пережила чувство разочарования: проект, который сулил такие перспективы, был на грани развала.

18 апреля 1775 г. Екатерина подписала Именной Указ Канцелярии «О разборе поселенных около Саратова колонистов и учинении им ссуды». Из этого акта следовало: в колонистском сообществе выделяются две группы: «одни порядочным своим поведением, исправностию в сельском домостроительстве и похвальным трудолюбием в земледелии оказались достойными Высочайшего Нашего к ним благоволения, а другие, напротив того, от лености, нерадения и развратной жизни не токмо не преуспели в обзаведении себя порядочным домостроительством, но, невзирая на все учиненные им вспомоществования и неоднократные увещания от Канцелярии Опекунства иностранных и от самого Президента, задолжав великими суммами, и ныне не имеют пропитания, и таковым образом, ... не предвидится уже надежды к их поправлению».

Императрица объявляет первым «Высочайшее Наше благоволение, а прочих, хотя и надлежало бы, яко не исполнивших их обязательства, оставить без всякаго презрения», но, по природному Нашему милосердию, не оставили Мы дать повеления, что они будут в последний раз снабжены всем необходимым для земледелия и продовольствием до будущей жатвы, но если и в будущем окажутся «нерадивыми и в лености обрабатываемыми, то никакой уже ссуды делано не будет» [13, 139].

Екатерина понимала, что среди колонистов есть люди, не способные измениться к лучшему и чтобы «избавить трудолюбивых поселенцев от развращающих оных дурными примерами товарищей», приказала «учинить разбор о способных и неспособных к хлебопашеству...». Старшему члену Саратовской Опекунской конторы было поручено во всех колониях о каждом

⁵ Люмпены – lumpen – лохмотья.

из колонистов подготовить письменный отзыв от имени всего общества и начальников; заслуживших одобрительный отзыв и «назначенных к хлебопашеству, снабдить единожды навсегда приличную ссудою....» [13, 139]. Не способным и не получившим разрешения быть хлебопашцами, объявить, что заплатив казенные долги, они могут беспрепятственно выехать из России, или найти себе занятие в городах по их способностям, или перейти на военную службу, и заработанными деньгами оплатить долг казне.

По Манифесту колониям была дарована «внутренняя их юрисдикция», т.е. самоуправление, основанное на вековых традициях поселенцев. Прошедшие 10 лет показали, что выборные старшины, а также лучшая, трудоспособная часть общины, не смогли повлиять на деморализованную ватагу «любителей легкой жизни». Императрица оставляет колонистам самоуправление, но повышает ответственность выборных лиц, «сельских начальников», которых обязывает строжайшим образом контролировать колонистов, чтобы «каждый старался трудами своими в земледелии приобретать достаточные способы к пропитанию и отнюдь не полагать надежды на казенное вспоможение ибо, как выше сказано, всякия вспоможения деланы им были сверх обещаннаго, то отныне впредь ни малейшей ссуды им уже чинено не будет».

Остающимся в колониях, не оплатившим долг по полученной ссуде, императрица продлила срок оплаты на 5 лет «в разсуждении бывших в тамошних местах замешательств...»⁶. Для лучшего же наблюдения за общественным порядком в колониях, для разбора конфликтных ситуаций по каждому из 13 колонистских округов императрица учредила должности комиссаров: один из отставных штаб-офицеров, другой – из обер-офицеров. Для них она приказала построить дома и дать по 60 десятин земли на время службы.

Было очевидно, что и Канцелярия опекунов иностранных, и Контора в Саратове оказались не в состоянии эффективно решать конкретные вопросы управления колонистами, вопреки всем льготам и преимуществам, подаренным императрицей германским выходцам.

Разрабатывая проект о привлечении иностранцев для колонизации незанятых земель, в Сенате не учли исторический опыт правителей феодальной Руси по освоению новых, незанятых

территорий. После завоевания в 1552 г. Казанского и присоединения в конце XVI в. Сибирского ханства колонизация земель принимала широкие масштабы. Русские князья, а затем и цари, проводили целенаправленную политику по созданию так называемых «государевых пашен», по введению в оборот «пустых, непоселенных земель» силами свободных крестьян. освоение земледельцами безлюдных территорий усиливало власть князей, а затем и царей, и ради этого они обеспечивали добровольных переселенцев льготами: освобождали от податей и повинностей на определенный срок. В период правления царя Федора Ивановича уже организуется переселение добровольцев партиями по 50 – 100 человек. К XVII столетию в Западной и Восточной Сибири, в малонаселенных районах Европейской части России возникли многочисленные «государевы пашни». Они обрастали крепостными сооружениями и новыми переселенческими деревнями. При Алексее Михайловиче сформировались целые «государевы слободы».

Практика заселения свободных земель выработала определенную систему отношения к переселенцам. При переводе крестьян в Сибирь и другие места царская грамота предписывала набирать самых «зажиточных и домовитых хозяев, добрых, прожиточных и семьянистых, лучших людей». В грамоте Федора Ивановича содержалось требование: чтобы «у всякого человека [переселенца] было три мерина добрых, да по три коровы, да по две козы, да по три свиньи, да по пять овец, да двое гусей, да по пятеру куров, да телега, да сани и всякая житейская рухлядь»⁷. Вербовщики не принимали «голь перекатную». Предприимчивым беднякам приходилось самостоятельно покорять версты вековой тайги, чтобы обрести «землю обетованную» на берегах сибирских рек. Таким образом, естественным путем расширялись земельные ресурсы России за счет привлечения к освоению земель свободных землепашцев.

Русский опыт по переселению на новые земли «домовитых хозяев, лучших людей» к середине XVIII в., как видно, был забыт. При Екатерине «вызывателей» не снабжали инструкциями о наборе «добрых и зажиточных». Комиссионеры – иностранцы по происхождению, охваченные страстью к легкой наживе, спешили завербовать как можно больше «колонистов», второпях набирали, как писал позднее А. Клаус,

⁶ Имеется в виду разорение хозяйств в период восстания Е. Пугачева.

⁷ Рухлядь – домашние вещи, одежда, предметы бытового назначения.

«всякий сброд», деклассированных, выброшенных на обочину социального сообщества людей.

20 апреля 1782 г. Екатерина II подписала указ, которым упразднила Канцелярию опекуинства иностранных и ее Саратовскую контору. Управление колониями было передано местной администрации – Саратовской Казенной палате, Директору домоводства (экономии).

В Государственном Казначействе в 1785 г., когда минули 20 лет со дня основания первых колоний на Волге, подсчитали расходы на колонизацию. Оказалось, что вызов и водворение иностранцев обошлись казне в 5 199 813 руб.; из них 3 989 616 руб. составляли возвратный долг казне, а 210 197 руб. Указом от 20 апреля 1782 г. они были отнесены к безвозвратному долгу. «Безвозвратными» суммами были оплачены социальные потребности колонистов: 1 025 403 руб. казна отпустила на строительство домов и церквей; 17, тыс. руб. – на пособие больным; 136,5 тыс. руб. составляли казенный долг переселенцев, скончавшихся на пути к Волге; долг в 30,4 тыс. руб. – оставался на колонистах, уведенных в плен киргиз-кайсаками [4а, 53].

Сумма долговых обязательств поволжских колонистов росла из года в год, что не могло не тревожить саратовскую администрацию. Саратовский генерал-губернатор С.П. Потемкин обращается к Екатерине II с докладом. 4 июля 1785 г. Екатерина подписывает Именной указ «Об устройстве поволжских колонистов». На вопрос генерал-губернатора, как быть с долгами, Екатерина пишет: средства на них затраченные, должны быть возмещены казне; через Директора экономии установить – «сколько они могут без отягощения своего в год уплачивать в число того долгу». Потемкину предлагалось провести обследование социально-экономического положения колоний, результат представить на рассмотрение императрицы.

Колонизация земель в Поволжье продолжалась, но из-за дефицита средств новые колонии создавались уже не каждый год. При Екатерине, явно разочарованной проектом колонизации, в отдельные периоды (с 1768 г.) ни одного нового немецкого поселения не было построено: в 1768 – 1771 гг., 1773 – 1781, 1783 – 1786, 1791, 1793, 1794 гг., 1796 г.⁸

Начатое при Екатерине II освоение новых земель немецкими колонистами, продолжалось и в

годы правления ее потомков как при Павле I, Александре I, так и в царствование других императоров до 1870-х годов. Указы, утвержденные императорами, постановления Комитета Министров, Правительствующего Сената – весь обширный блок документов, регулировавших жизнь немецких и менонитских колоний, со всей очевидностью свидетельствовали о патерналистском курсе русских царей по отношению к иностранцам, их исключительном внимании к проблемам социально-экономического развития колоний иностранцев [11].

Ко времени воцарения Александра I целинные земли Поволжья были освоены. Миграционный поток направляется правительством в Новороссийский край, где обширные угодья столетиями оставались без обработки. В этом регионе были устроены переселенцы из западной части Германии (Гессен, Пфальц, Баден – Дурлах, Вюртемберг, Северный Эльзас). Эти районы на протяжении многих лет были главными центрами эмиграции вследствие высокой концентрации населения и постоянных пограничных войн с Францией. К эмиграции вынуждал и парцеллярный характер земельной собственности – мелкие земельные участки не в состоянии были прокормить многодетные семейства.

В Причерноморье были устроены также крупные по численности группы меннонитов. Каждый колонист получал надел в 60 десятин на семейство без оплаты ее стоимости (меннониты – по 65 десятин); ссуду в 300 руб. на строительство дома, обзаведение хозяйством (покупку скота, рабочих инструментов и т. д.). Переселенцы ввозили без оплаты пошлины движимое имущество, пользовались свободой предпринимательской деятельности, строили фабрики, промышленные мастерские; вступали в гильдии и цехи, торговали продукцией своих предприятий по всей империи. При заявленном желании о реэмиграции, колонист обязан был сверх уплаты всего причитающегося с него долга, единовременно внести в казну трехгодичную подать.

В Правительствующем Сенате еще при Екатерине II возникали сомнения относительно целесообразности и экономической эффективности освоения земель за счет трудовых ресурсов Германии и других стран. В Министерстве внутренних дел проанализировали систему управления колониями за прошедшее 30-летие, и в феврале 1804 г. В.П. Кочубей⁹ представил

⁸ Создание новых колоний приостанавливалось в связи с объективными обстоятельствами и в последующее время: в 1827, 1832, 1840, 1844, 1845 гг.

⁹ Кочубей Виктор Павлович. В 1802 – 1807 гг. – Министр внутренних дел.

Александр I доклад «О правилах для принятия и водворения иностранных колонистов». Вызов колонистов, писал Министр, был и продолжается поныне на основании Манифеста 1763 г. Каких именно людей принимать, точно не было определено, набирали претендентов всякого звания и состояния, и потому с самого начала приняли «много дурных хозяев и большею частью самых бедных, кои мало по сие время принесли Государству пользы. Саратовские и некоторые из Новороссийских колоний доказывают сию истину». В докладе подчеркивалось: среди колонистов много «ненужных ремесленников, дряхлых, слабых, одиноких и даже с застарелыми болезнями, к чему присоединить должно, что большая часть из них крайне бедны».

В.П. Кочубей обратил внимание императора на несоответствие колонизационной политики, методология которой была разработана при Екатерине II, современному состоянию трудовых и природных ресурсов России. Императрица, пишет Кочубей, «решилась на вызов иностранцев, желая населять пустые степи. Но когда размножение во внутренних Губерниях народа и теснота могут требовать расселения собственных подданных, а земель удобных к водворению ... остается не так изобильно, то и следует ограничить заселение пришельцев, да и только тех, кои бы в крестьянских упражнениях или в рукодельях примером служить могли» [11, 144]. Общий тон доклада свидетельствует: В.П. Кочубей решительно настроен положить конец эмиграции из Германии, он не видит пользы в привлечении «дряхлых и слабых бедняков» [11, 144]. Министр выступил с конкретными предложениями по ограничению приема иммигрантов. 20 февраля 1804 г. Александр утвердил проект.

С этого времени иммиграция была поставлена в жесткие рамки, ежегодный прием переселенцев ограничен: российского резидента обязали отправлять в империю не более 200 семей в год; дипломатическим представителям при правительствах зарубежных стран указали: никому никакой ссуды не давать, за исключением «кормовых сумм» и средств для оплаты за суда и подводы; желающие эмигрировать в Россию должны предъявить свидетельства, что везут с собой средства в наличном капитале, или в товарах на сумму не менее 300 гульденов; несостоятельным, как и одиноким «странникам» въезд в империю закрыть [11, 147].

Колонизация земель за счет иностранцев обходилась России в миллионные суммы, финан-

сы империи находились в критическом состоянии. При Александре империя вела перманентные войны: с Ираном, Турцией, с Францией, участвовала в составе четырех антинаполеоновских коалиций. Затраты на вооружение и содержание армии опустошали казну. Государственное Казначейство, изыскивая средства для умножения государственных доходов, провело ревизию затрат на обеспечение колоний. Было установлено, что хотя в 1793 г. окончился 30-летний срок по освобождению поволжских переселенцев от налогов, колонисты не возвращают истраченных на них при водворении средств; налогов не платят, ссылаясь на социально-экономические трудности. Колонистский долг становится темой обсуждения на заседаниях Сената, проводятся инспекционные поездки в колонии, но каждый раз приходят к выводу: поволжские колонисты «по своему изнеможению» не могут платить подати.

Финансовые проблемы вынудили правительство создать «Комитет, учрежденный для сокращения издержек на 1810 г.». Комитет особое внимание обратил на средства, отпускаемые на колонизацию земель, выплату крупных сумм в качестве ссуды колонистам. На водворение и вызов переселенцев в 1810 г. предполагалось направить 2,5 млн. руб. Комитет Министров предложил сократить эту сумму на 500 тыс. руб., но Министр внутренних дел А.Б. Куракин¹⁰ не согласился «по причине действительного уже прибытия колонистов, или ожидания оных».

Информируя императора в феврале 1810 г. об этом противоречии, «Комитет, учрежденный для сокращения издержек...» в резкой форме оценивает итоги деятельности выходцев из германских земель: нет никакой возможности удовлетворять впредь до исправления наших финансов, расходы столь значительные, «впрочем, никакой настоятельной нужды за собою не влекущим...». Комитет предложил: «Поспешить Миссиям и Консульствам Нашим сообщить, что отныне впредь Правительство никакой ссуды колонистам чинить не будет...»; со стороны Правительства колонисты денежного пособия не получают.

Предложение «Комитета, учрежденного для сокращения издержек...» – почти революционная мера в истории колонизации. На протяжении более 45 лет российская казна ежегодно обеспечивала иностранных колонистов солидными субсидиями. Комитет аргументирует необходимость

¹⁰ Куракин Алексей Борисович (1759–1829), князь, Министр внутренних дел в 1807–1810 гг.

отмены субсидий иностранцам: «Комитет распорядился сии признает необходимыми, как по уважению уменьшения расходов столь нужных, так и по чрезмерной дороговизне водворения колонистов. По ведомостям Министра Внутренних дел видно, что одна колонистская семья около Столицы водворяющаяся, стоит казне на первоначальное обзаведение с лишком 5.000 рублей, тогда как крестьяне, природные подданные, переселяясь из Губерний многолюдных в места незаселенные и составляя полезнейшие для Государства колонии, никакой почти ссуды не имеют, так что пособие Немецкой семье, свободной от рекрутской службы и от других повинностей даваемое, могло бы с вероятностию обращено быть на переселение семей 50 Российских крестьян, к существенной пользе самих их и Государства» [11,167]. 25 февраля 1810 г. Александр I подписал Указ Министру внутренних дел «О прекращении выдачи денежной ссуды колонистам».

Надвигалась гроза 1812 г. В Министерстве финансов продолжается поиск дополнительных источников дохода. 12 марта 1812 г. Александр I утверждает решение Государственного Совета о повышении податей с колонистов Санкт-Петербургской, Черниговской, Воронежской и Саратовской губерний. Для саратовских колонистов было принято специальное решение: «В Саратовской губернии колонистов сравнить в податях с тамошними казенными крестьянами, сохраняя, однако же, раскладку податей по землям на прежнем основании; в уважение же убытков, понесенных ими от неурожая и скотского падежа, подать ... взимать с них по числу душ прежней ревизии [6-й ревизии 1798 г.]... и правилом сим руководствоваться до тех пор, пока те колонии по усмотрению местного Начальства не придут в лучшее состояние...» [11,170].

Утверждая это решение, члены Государственного Совета исходили из того, что в Саратовской губернии не было проведено межевания земель, задуманного еще при Павле I в 1797 г. В очередной раз принимается директива: «Принять надлежащие меры к скорейшему окончанию обмежевания колонистских земель в Саратовской губернии и наделения колонистов недостающим еще оной количеством» [11,170].

8 декабря 1815 г. Государственный Совет принял решение «О сравнении саратовских колонистов в платеже податей с казенными крестьянами». За период с 6-й ревизии по и 7-й (1798 – 1816 гг.) контингент мужчин в колониях Поволжья увеличился с 20 021 до 30 953, т.е. на

54,6% [11,170]. Таким образом, численность податного населения возросла, а площадь наделов осталась без изменений. Через два десятилетия положение улучшилось: полученные от правительства земельные наделы, колонисты расширили за счет покупки новых участков, широко практиковали аренду земли. В собственности колонистов Поволжья и Новороссии, по данным 1841 г., находились обширные владения, в частности в Саратовской губернии им принадлежали 214,8 тыс. десятин; в Самарской – 656 тыс. (по 30 – 65 десятин на семью); в Херсонской – 154,3 тыс.; в Таврической – 201 тыс. (по 60 десятин на семью) и др. [20, 135]. По неполным данным, общая площадь земельных владений немецких колонистов составляла, 1,4 млн. десятин¹¹.

В 1855–1856 гг. в Поволжье, наконец, разрешилась застарелая проблема – саратовским колонистам были отмежеваны земли (в соответствии с законом 1797 г.). В Журнале Министерства Государственных имуществ публикуется информация: «приводится в исполнение наделение их землей по числу душ 5 и 8 ревизий участками в Камышинском и Новоузенском уездах»; земля отмежевана и межевое ведомство готово передать нарезанные участки колонистам [4а, 87-88].

Изменение форм землевладения, рачительное ведение хозяйства, отсутствие рекрутчины позволило колонистам поднять уровень материального благосостояния. Особенно рационально были устроены колонии меннонитов, среди которых были не только отличные организаторы производства, но и талантливые селекционеры, выведившие новые сорта растений в непривычных климатических условиях. А. Клаус писал: «Быстро менонитские колонии достигли у нас благосостояния и благоустройства. В степях, где прежде не было ни воды, ни куста, лесной поросли, точно волшебством явились одно за другим цветущие поселения, здоровая и изобильная колодезная вода, целые рощи плодовых, тутовых и лесных деревьев; богатые, отлично обработанные нивы, целые стада овец и отличные породы скота и лошадей».

За период 1838 г. – 1854 г. площадь казенных земель в пользовании поволжских колонистов увеличилось с 887,3 тыс. десятины до 1.102.517 десятин; у колонистов Южного края – с 1 348, 9 тыс. десятин до 1331,9 тыс. Казначейству удалось

¹¹ Десятина – основная русская мера площади. В XVIII – начале XIX вв. употреблялась владельческая (хозяйственная) десятина = 3200 кв. саженей – 1,45 га // Клаус А. Указ. Наши колонии... Приложение II С. 12, 20, 27 – 30, 42.

к 1854 г. добиться возвращения значительной части долга колонистов государству. Так, долг колонистов Поволжья казне по водворению в 1838 г. составлял 300,9 тыс. руб., к 1854 г. сократился до 3,4 тыс. руб.; долг южнорусских колоний – к 1.307,460 руб. – до 650.581 рублей [4а, 87].

По мере становления капиталистических тенденций в экономике России, интенсивно развивалось немецкое колониистское предпринимательство (аренда крупных земельных наделов, экспорт за рубеж зерна с берегов Волги, создание промышленных заведений полукустарного типа и т.д.). Особенно быстро расширяется немецкое землевладение после отмены крепостного права (1861 г.). Состоятельными колонистами скупаются земли разоряющихся помещиков. Немецкие колонисты начинают осваивать западные губернии России. Если в 1840 г. в Киевской, Волынской и Подольской губерниях насчитывалось 14 немецких колоний, то через 30 лет – к 1871 г. – 221. Здесь были основаны сотни немецких поселений. В 1880-х гг. численность немцев в юго-западном крае превышала 103 тыс. человек, площадь земельных владений составляла около 600 тыс. десятин [17, 41]. Широкие возможности для скупки земли открылись после подавления восстания в Королевстве Польском (1863 – 1864 гг.): имения участников восстания правительством были конфискованы и за полцены проданы немецким колонистам и другим землевладельцам.

К середине XIX в. в России вследствие интенсивной скупки земли, применения индивидуальной и коллективной форм аренды земельных наделов сложились крупные немецкие и менонитские анклавы¹². В *Таврической губернии* процветали: Молочанский меннонитский, Молочанский колониистский, Бердянский, Крымский округа; в *Херсонской губернии*: Либентальский, Кучурганский, Березанский, Глюкстальский; в *Екатеринославской*: Хортицкий меннонитский, Иозефстальский, Мариупольский; в *Черниговской* – Родичевский меннонитский; в *Бессарабской обл.* – Малоярославецкий, Саратовский, Клястицкий.

С расширением земельной собственности одновременно набирали силу новые тенденции в демографии: росла численность населения в колониях. Темпы роста по регионам отличались в зависимости от природно-климатических и социально-экономических условий. Существенно отличались демографические по-

казатели у колонистов и государственных крестьян. По данным 1855 г. в колониях *Южного края* и *Саратовской губернии* ежегодный прирост населения на 1 тыс. населения составлял 28,5, душ, в *Бессарабской обл.* – 17,3; в губерниях *Европейской России* среди государственных крестьян на 1 тыс. населения ежегодно рождалось в среднем 8,1 душ [14а, 19]. Приведу конкретные данные по губерниям: на 1 тыс. населения среди государственных крестьян рождалось в год: в Самарской губернии – 12,7 душ, Саратовской – 10,1, в Таврической – 9 [14а, 20].

Публикуя эти данные, журнал Государственных имуществ справедливо замечал: «Это превосходство колоний ... над прочими губерниями объясняется обилием земли и привольным вообще положением земледельца, и тем, что ни колонисты, ни население Бессарабии не ставят рекрутов натурой» [14а, 19]. Население колоний за период (1838–1854 гг.) увеличилось: в Поволжье – со 121 067 чел. до 175 177; в Южном крае – с 147,2 тыс. до 220,3 тыс. [4а, 87].

Характер переселения государственных крестьян из малоземельных районов, их обустройство на новом месте разительно отличался от тех условий, при которых происходило переселение и водворение выходцев из германских княжеств. 25 июня 1781 г. Правительствующий Сенат получил Указ императрицы Екатерины о переселении 24 тыс. крестьян, находившихся в ведении Коллегии экономии, т. е. государственных крестьян, «на порожние земли» Азовской и Новороссийской губерний. Переселенцев освободили от податей на *полтора года*, причем, в течение этого срока плата податей возлагалась на жителей селений исхода – на односельчан. В Кавказскую губернию в 1784 г. были переселены на этих же условиях 4,4 тыс. государственных крестьян, в том числе: из наместничества Тамбовского – 790 человек, Курского – 2649, Пензенской – 564, Воронежской – 4312 [13а, 19].

Итак, немецкие иммигранты освобождались от податей и всякого рода повинностей на 30 лет, государственные «природно-подданные» переселенцы – на полтора года, причем этими мизерными льготами, которые и льготами-то нельзя назвать, русские одаривались Правительством на протяжении последующих 40 лет. В 1824 г. было принято новое положение о переселении малоземельных крестьян: освобождение на 3 года от платежа податей, исправления всяких повинностей, не исключая рекрутских; на обустройство выдавалось 50 руб. где есть лес,

¹² В официальной статистике менонитские колонии размещались под отдельной рубрикой.

100 руб. – где леса нет [13а, 19], обустройство немецких колонистов, как отмечалось выше, обходилось в среднем в 5000 рублей.

Немецкие переселенцы получали при водворении 30 десятин земли, меннониты в Новороссии по 60 – 65 десятин; «природно-подданные» обеспечивались наделами в 2 – 3 раза меньше по площади, независимо от численности семьи. В 1838 – 1852 гг. из Великороссийских и Малороссийских губерний выбыло на переселение 141,3 тыс. государственных крестьян, в том числе: из Харьковской – 23 тыс., Полтавской – 22,1 тыс., Воронежской – 19,3 тыс. Они получили на месте поселения по 8 – 15 десятин земли [13а, 17–20].

Александр Клаус – честный, добросовестный исследователь, писал по поводу этих контрастов: «Льготы, права и преимущества составляют предмет справедливой зависти русского крестьянина...». Исследователь указывает на предпосылки унижительного положения русского хлебопашца: «Крепостные крестьяне по понятиям огромного большинства нашего образованного общества в полном смысле слова были... не иное что, как безответные подлые рабы – холопы с потрясающей душу судьбою» [13а, 17–20].

В эпоху реформ Россия вступила в середине XIX в. В 1861 г. было ликвидировано крепостное право. Преобразования коснулись и немецких и менонитских колонистов. 16 июня 1871 г. Александр II утвердил «Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях: Санкт-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской Воронежской и Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической и в области Бессарабской». Бывшие колонии переходили в ведение губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений. Этим решением вчерашних колонистов причислили к разряду крестьян-собственников, с сохранением личных преимуществ, которыми они традиционно пользовались.

Каждый из колонистских округов был преобразован в особую волость, которая была этнической по составу и религиозной по принадлежности. Селение, которое, по дальности расстояния, не могло войти в состав вновь образуемой волости, составляло особую волость, если в нем числилось около 300 или более ревизских душ [11, 508]. В «Правилах об устройстве

поселян-собственников...» отдельный пункт был посвящен поземельному устройству бывших колонистов, «водворенных на казенных землях». Сельские общества поселян-собственников сохраняли все предоставленные им в надел и состоящие в их постоянном пользовании земли и угодья.

Каковы результаты колонизационной политики, инициированной императрицей Екатериной II, и осуществленной за счет привлечения трудовых ресурсов европейских стран?

За исторический период 1763 – 1863 гг. в Россию прибыло 100 тыс. иммигрантов, преимущественно из Германии. Они создали на дарованных землях 549 колоний. Из них в Саратовской губернии – 58, Самарской – 131, в Херсонской – 47, Екатеринославской 53, Таврической – 165 и т. д. [8, 109–111]. Немцам и меннонитам были выделены обширные угодья: к середине XIX в. в их собственности находились: в Поволжье 1,4 млн. десятин, в Причерноморье – 0,6 млн. Высокая рождаемость, возможность приобретения новых земельных наделов вызвали бурный рост строительства дочерних колоний: в Причерноморье возникло 1400 дочерних колоний, в Поволжье 440, в Сибири 500. В совокупности земельная собственность немцев составляла в России к концу исследуемого периода 13,4 млн. га [2, 46–48].

С точки зрения политического, социального статуса немецкие колонисты представляли собой уникальную категорию крестьянского населения России [2, 46–48]¹³. Главное их отличие от русских и украинских крестьян заключалось в том, что немцы были свободными гражданами. Заботами Екатерины они оказались вне крепостнической системы, в тисках которой на протяжении столетий погибали не менее трудолюбивые и талантливые крестьяне из великороссов и малороссов. Ни один колонист не был объектом эксплуатации со стороны государства, или гипотетического помещика. Царизм обеспечил колонисту гарантию безопасности личности и собственности, свободу в исповедании веры, избавил молодых немецких мужчин – граждан России – от ярма двадцатилетней рекрутчины, чем не только содействовал умножению колонистского населения, но и сохранению на территории России генофонда выходцев из германских курфюрств.

¹³ Перепись населения 1897 г. выявила в Российской империи 1 790 489 немцев; 76,62 % от этого числа составляли жители колонистских поселений. В структуре населения России удельный вес немцев составлял 1,43 %.

Немецкие и менонитские волости по занимаемой территории, этнической и конфессиональной структуре населения, по языку, духовной и бытовой культуре представляли собой этноконфессиональные образования, в которых запрещалось селиться инаковерующим. Здесь эффективно действовала система самоуправления: внутренняя юрисдикция, построенная на принципах религиозной нравственности и морали, на юридических традициях германских земель; делопроизводство осуществлялось на немецком языке.

При неизменной поддержке императоров России в колониях процветала религиозная жизнь евангелических лютеран, католиков, менонитов, реформатов. За счет государственной казны строились католические и лютеранские церкви, жилые дома для священников, оплачивался труд пасторов и патеров, открывались училища для молодежи. По данным 1841 г. в немецких селениях насчитывалось 169 храмов и молитвенных домов, 189 конфессиональных школ.

Обучение детей в школах осуществлялось на родном языке. В то время, как в прибалтийских губерниях имперская власть безуспешно пыталась ввести в школах государственный русский язык, как язык изучения, в колониях даже этих попыток не предпринималось, и к концу XIX столетия колонисты в массе своей не владели русским языком, но все с благоговением сохраняли родные диалекты, привнесенные с Vaterland.

Школа на немецком языке, юрисдикция, сложившаяся на основе религиозных и этнических традиций, запрет на поселение в немецких колониях инаковерующим (православным христианам, иудеям, мусульманам) – весь образ жизни с его национальными и религиозными особенностями, объективно укрепляли позиции немецких диалектов Германии. На территории России и Украины немецкие диалекты сохранялись в «чистом виде» вплоть до XX в. – они не подвергались ни естественной, ни насильственной ассимиляции со стороны языков окружающих народов, в первую очередь – со стороны государственного русского языка.

Эмигранты из Германии по прибытию в Российскую империю селились не по этническому принципу. Один из участников переселения Э. Вальтер писал в 1849 г.: «Обычно основание новой общины происходило так, что вместе селились люди, случайно сблизившиеся в пути или на казенных квартирах. Никто не думал при этом о том, чтобы селиться вместе с земля-

ками или единоверцами. Выходцы из Пфальца, Эльзаса, Бадена, Вюртемберга, Гессена, иногда даже из Венгрии и Чехии – лютеране, католики, кальвинисты – преследовали одну цель: как можно скорее поселиться на собственной земле» [3, 509]. При образовании колоний учитывался не этнический тип, а религиозная принадлежность. Учитывалось и то, что католики, лютеране, реформаты предпочитали селиться отдельными колониями.

Как правило, немецкие поселения территориально разделяла чересполосица, их отделяли значительные расстояния по 10–25 верст. Но это не мешало колонистам поддерживать хозяйственные и культурные связи. Существовали так же контакты на почве административного управления (немецкие волости). Весь образ хозяйственной и этнокультурной жизни, осознание принадлежности к земле исхода, к германским землям, объективно содействовало смешению диалектов соседних колоний.

Известный лингвист В.М. Жирмунский, изучавший немецкую диалектологию в Украине в начале 1920-х гг., пришел к выводу, что в 23 поселениях на р. Молочной по соседству жили баденцы, восточные и западные пруссаки, эльзасцы, мекленбуржцы, нассаусцы, австрийцы и др.

В связи с тем, что браки заключались в среде своей конфессии, на уровне массового сознания возникли даже понятия о «католических» и «лютеранских» колониях, о «католических» и «лютеранских» диалектах. На вопрос о языке в немецких колониях можно было услышать, что местные жители относятся к «Katholische» или «Lutherische Sprache». Таким образом, предпосылкой этноязыковой консолидации явились не производственные, и не административные контакты, а брачные связи.

Между носителями разных говоров вследствие установления брачных отношений происходило смешение языков, причем, если в селе господствовал говор мужа, то этот говор преобладал в молодой в семье, с некоторыми проявлениями из говора жены. Если в колонии господствовал третий говор, одинаково чуждый супругам, в семье устанавливался язык из трех наречий, с примесью некоторых элементов из говора супругов [3, 510].

По данным В.М. Жирмунского в начале XX в. в колониях Новороссийских губерний все еще сохранялись различные диалекты: в колониях Запорожской области господствовал **баденско-пфальцкий говор**, который занимал господству-

ющее положение в селах: Пришиб, Ней-Монталь, Гейдельберг, Блументаль, Тиффенбрунн, Фридрихсфельд, Гохштедт, Лейтерсгаузен, Костгейм, Рейхенфельд, Кронсфельд, Карлсруэ, Дармштадт, Кайзерталь; **швабский говор** был основным в пос. Вейнау; **прусский говор** – в Розентале, и Гоффентале; **нассауский говор** – в Альт-Нассау и в Ней-Нассау; **эльзасский говор** играл подчиненную роль в ряде поселений. Ученый установил важную закономерность: все эти говоры находились во взаимодействии с немецким литературным языком: многие колонисты выписывали из Германии газеты и журналы, сельскохозяйственную литературу. Просвещенные носители диалектов владели немецким литературным языком, но литературный – подвергался в колониях значительному воздействию местных диалектов, в результате в его структуре возникали локальные специфические особенности [3, 495, 511].

Лингвистический анализ показал, что если при поселении на р. Молочной колонисты – выходцы из Бадена, Вюртемберга, Гессена, Пфальца, сев. Эльзаса – были носителями различных говоров, то к началу XX в. в результате смешения диалектов, их взаимовлияния, здесь господствовал севернобаденский диалект, сохранявший рудиментарные признаки исчезнувших говоров [3, 509]. Аналогичные примеры дают исследования и по колониям Поволжья и Сибири.

Вышеизложенные данные позволяют сделать следующее обобщение. Указ и Манифест Екатерины II о приглашении иностранцев для освоения свободных земель и занятия сельскохозяйственным трудом, правовые нормы, регулировавшие социально-политическое устройство немецких колоний, положили начало интенсивной колонизационной политике под неизменным контролем императоров России. В основном политика колонизации Екатерины II и ее последователей завершилась успехом: было освоено по не полным данным более 11 млн. га целинных земель, созданы новые отрасли сельскохозяйственного производства, выведены элитные породы скота, новые сорта плодовых деревьев и т.д.

Лишь одна задача, на решение которой рассматривали отдельные советники Екатерины II, не была достигнута: не сложился диалог немецких колонистов и русских крестьян в интересах взаимообмена производственным опытом. В условиях крепостного права между немецкими колонистами, свободными гражданами империи, и закабаленными русскими и украинскими кре-

стьянами не могли возникнуть добрососедские отношения, в которых доминировали бы элементы культурного взаимовлияния.

Цивилизационное взаимодействие немецких колонистов, неизменно опекаемых императорской фамилией, и русских крестьян, задавленных рабским трудом в помещичьих резервациях, было практически невозможно: в российском социуме их разделяли не только языковой барьер, но в первую очередь бесчисленные законодательные установления, закреплявшие свободу личности и право на владение собственностью одних, и абсолютное бесправие – других.

Вряд ли изменялся характер трудовой деятельности бывших немцев-переселенцев и в последующее время. Они также продолжали заниматься возделыванием земель, выращиванием урожаев, животноводством, исполняли воинскую службу. Немецкое население в России оставалось по своему менталитету в своем большинстве аграрным

Многие проблемы взаимоотношений немцев с русским крестьянством, крестьянством других национальностей нивелировали революционные события первой половины 1917 г. и особенно Октябрьской революции. В этом, несомненно, заметная роль принадлежала Декрету Советской власти «О земле», первые другие декреты советов, касающиеся уравнивания прав всех трудящихся независимо от их социальной и религиозной принадлежности.

Советские немцы в условиях функционирования советов, исполкомов, революционных комитетов выстраивали свою жизнь по-новому, согласуясь и опираясь на новое советское законодательство. Они активно воспринимали новые веяния, связанные с иной экономической политикой первой половины 1920-х годов, они также были участниками перестройки крестьянской жизни, перевода ее на коллективные основы хозяйствования, занимались организацией колхозов в тех регионах, где компактно расселялись. И в этих условиях советские немцы, несомненно, составляли мощный производственный ресурс в аграрной сфере Союза ССР.

Заметные изменения в жизни немецкой общности в Союзе ССР были, прежде всего, в национально-государственном обустройстве, когда декретом ВЦИК от 19 декабря 1923 г. автономная область немцев Поволжья была трансформирована в Автономную Республику немцев Поволжья. Наряду с автономией появился также и самый, что ни есть Немецкий район

Алтайского края, где немцы составляли 96,2 % населения района, было устранено волостное деление автономной области и созданы три уезда, спустя некоторое время (1921 г.) – 13 административных районов. В составе Армавирского округа Северокавказского края с февраля 1928 г. действовал Ванновский национальный немецкий район, а с 30 октября 1930 г. – Биюк-Онларский национальный немецкий район (41,9 % немецкого населения) в Крымской АССР, а также Кичкасского национального немецкого района в Средневожском крае в 1934 году. Эти же преобразования затрагивали и территорию проживания советских немцев в Украине.

После преодоления опустошительной Гражданской войны, ряда неурожаев и голода советские немцы повсеместно направляли свои усилия на изменение образа жизни, осуществление советского, культурного и хозяйственного строительства. Благодаря самоотверженному труду советских немцев за короткое время удалось приблизить посевную площадь, в частности в АССР немцев Поволжья к довоенному уровню, расширить посевы пропашных культур, увеличить посевы высокосортных засухоустойчивых зерновых хлебов, развить животноводческую отрасль. Заметно возрос уровень кооперирования населения, увеличить количество коллективных хозяйств (около 7 % от общего числа хозяйств) [12, 164-165]. К началу 1930-х годов республика первая из основных зерновых районов завершила сплошную коллективизацию (98,5 %), постепенно менялись и производственная оснащённость коллективных хозяйств в республике, расширялась кормовая база, товарно-молочные и свиноводческие фирмы.

Землеустройство было расширено, оно осуществлялось на 57 % от всех земель АССР немцев Поволжья. Увеличивались объёмы произведённой продукции. Главной производительной силой во всех этих процессах выступали советские немцы, имевшие богатый жизненный опыт по преобразованию хозяйства ещё в досоветский период на территории России, хотя годы Гражданской войны, голод и нанесли заметный ущерб народонаселению регионов компактного проживания немцев. Численность населения, например, в автономии сократилось: умерло более 10 %, более 16 % населения вынуждено было покинуть районы своего проживания [1, 45-46, -93-97].

Производственные ресурсы в регионах проживания немцев отчетливо подразделялись

на тех, кто бы занят в производстве в частности в отраслях промышленности и сельском хозяйстве, а также в коммунальной сфере, образовании, военном деле.

В начале 1930-х годов, на создававшихся новых предприятиях и реконструированных старых численность рабочих возросла в 4 раза.

Более стабильным, например, в республике и отдельных немецких районах оставалось аграрное население. Колхозы АССР немцев Поволжья объединяли 87 тыс. бедняцко-средняцких хозяйств, организованы были 31 крупное хозяйство и 89 МТС [12, 176]. Все это, несомненно, содействовало изменению реконструкции самого сельского хозяйства.

Происходили и изменения непосредственно в самом населении области, его самосознании и национальном сознании. Как свидетельствуют документы той поры, грамотность взрослого немецкого населения возросла с 51 % довоенного уровня до 97,2 %, было введено всеобщее 4-х летнее обучение, созданы 10 техникумов, 3 вуза. Спустя некоторое время в АССР немцев Поволжья была полностью ликвидирована неграмотность.

Уже в середине 1930-х годов немецкому крестьянству совместно с поляками пришлось испытать первые принудительные переселения со стороны органов государственной власти. Эта акция касалась приграничных регионов на западе Союза ССР. Именно с этих районов были переселены 45 тыс. человек, 15 тыс. хозяйств, существовавших главным образом на территории Украинской ССР. Около 10 тыс. немцев и 35 820 поляков составили первые контингенты в цепи переселения 1930-х – 1940-х годов, связанных как с предвоенной, так и военной обстановкой. Все они переселялись в Карагандинскую область, пополняя ее производственный ресурс и были заняты в основном в сельском хозяйстве. Спустя некоторое время эти же акции коснутся всех особенностей союзных республик и автономных областей, краев, на территории которых проживали советские немцы. Все они будут подвинуты в Казахстан, республики Средней Азии на территорию Восточной и Западной Сибири.

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. из районов Поволжья, Московской, Ленинградской области, Украины, Северного Кавказа, Крыма и других районов было выселено 856 637 немцев. По распоряжению СНК СССР после войны были направлены на спецпоселение 208 462 репатриированных немцев и в 1948 г. МВД СССР

были взяты на учет как спецпоселенцы 159 906 немцев – местных жителей Дальнего Востока, Сибири, Урала, Казахстана и других районов. Таким образом, всего находилось на поселении немцев в 1940–1950-е годы вместе с детьми 1 225 005 человек¹⁴.

Можно констатировать, что фактически с 1942 г. в жизни советских немцев на территории Союза ССР начинался новый этап, связанный с переселением и организацией жизни общности в совершенно иных условиях, в значительной мере не приспособленных и для проживания, и для нормальной работы.

По данным архива отдела спецпоселений НКВД СССР, «в 1941 – первой половине 1942 г. были доставлены на Восток «по государственному заданию» 856 340 немцев (560 112 взрослых)».

Вывод в данном случае однозначен. Это было существенное пополнение производительных сил в тех регионах страны, куда переселялось немецкое население.

И, все-таки, имеющиеся документы позволяют сделать вывод, что в ходе реализации задуманных планов органы, ведавшие переселенческой политикой, все же учитывали тот акт, что большинство немецкого населения – это представители аграрной сферы с их особенностями психологией. Вероятно, не случайным было появление документа от 30 октября 1941 г. за подписью заместителя председателя народных комиссаров Л. Берия. В распоряжении СНК СССР читаем: «О расселении лиц немецкой национальности из промышленных районов в сельскохозяйственные». Правда, эта акция разрешалась только ограниченному числу регионов – Узбекской ССР, а также Молотовскому, Челябинскому, Свердловскому и Чкаловскому областным советам депутатов трудящихся. Немцы поселялись в колхозах и совхозах, действовавших на территориях названных областей и республик.

В 1942–1945 гг. по специальному указанию в срочном порядке были демобилизованы все военнослужащие немецкой национальности – 33 516 чел. (33 255) (1609 офицеров, 4922 сержанта, 27 724 – рядовых). Значительная часть их направлялась в «трудовую армию», рабочие колонны и батальоны.

Проблема «выжить» становилась мерилем любого из представителей немецкого народа – мужчины, женщины в возрасте от 16 до 55 лет, а

фактически всех, кому судьба уготовила быть значительным в рабочий батальон или колонну. При максимальном напряжении нервов, в условиях практически подневольного труда, отсутствия минимального в организации жизнеобустройства: нехватка продовольствия, медикаментов, одежды, обуви, немцы, как и другие (корейцы, ингерманландцы, венгры), должны были выжить.

Однако условия выживания были настолько сложными, что даже организованность, пунктуальность немецкого этноса не позволяли выстоять в зонах (своеобразных резервациях) против практикуемого режима пребывания. Заканчивалось это тем, что многие «ломались», не выдерживая выпавших на их долю испытаний при скудной пище, почти полном отсутствии более или менее приемлемых условий проживания.

Что касается рабочих армий в 1940-е годы, то эта тема продолжительное время находилась под строгим запретом. В той или иной мере ее затрагивали публицисты. В.Н. Земсков сообщил о таком факте, что в 1945–1948 гг. на спецпоселение еще поступило 120 192 немца (в основном репатриантов из Германии и Австрии), а также часть мобилизованных в 1942–1944 гг. в рабочие колонны, но не подвергшиеся выселению и не взятых на учет спецпоселений.

По данным С.В. Хана, мобилизация в ряды Красной армии резко уменьшила число рабочих и служащих. Их численность сократилась с 31,5 млн. к началу 1941 г. до 18,5 млн. к концу года. С июля по ноябрь 1941 г. было эвакуировано на восток свыше 10 млн. человек, более 1360 крупных предприятий [16]. Повсеместно ощущалась потребность в рабочей силе.

В Союзе ССР начало новому этапу трудового использования немцев было положено Постановлением СНК СССР № 2130-972 СС «О выделении рабочих колонн из военнообязанных» от 7 октября 1941 года. Наркомат обороны обязан был до 15 октября 1941 г. сформировать из числа необученных военнообязанных старших возрастов рабочие колонны общей численностью более 300 тыс. человек. Затем предстояло направить их в распоряжение наркоматов и организации. Были намечены в приложении к постановлению 18 наркоматов и организаций, в распоряжение которых выделялись рабочие колонны из военнообязанных. Наибольшее число рабочих передавались в распоряжение Наркомстроя – 96 тыс. человек.

10 января 1942 г. ГКО принял постановление № 1123 «совершенно секретно» «О по-

¹⁴ РГАНИ. Ф. 3, оп. 58, д. 182, л. 17 – 24.

рядке использования немцев-спецпереселенцев призванного возраста от 17 до 50 лет». Как отмечалось в документе, «в целях рационального использования немцев-переселенцев мужчин в возрасте от 17 до 50 лет»

Далее давались указания «к мобилизации приступить немедленно и закончить 30 января 1942 г.». Неявка, уклонение карались применением высшей меры наказания. Получили толкование в документе и правила переезда мобилизованных, их поведения, обязанностей. Что касается продовольственного обеспечения, то констатировалось, что «нормы его соответствуют нормам, установленным Гулагом НКВД СССР»¹⁵.

Постановлением ГКО № 1281 «совершенно секретно» от 14 февраля 1942 г. контингент немцев, подлежащих использованию на трудовом фронте, был расширен. Он пополнялся за счет немцев мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет «постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках». Среди регионов назывались также Хабаровский и Приморский края¹⁶.

Всего, по данным НКВД СССР, только из немцев-спецпереселенцев использовались на различных работах 213 755 семей (695 955 чел.), из них мужчин – 100 764, женщин – 267 157, детей – до 16 лет – 328 084, трудоспособных – 296 694; мобилизованных немцев было занято 113 341 человек, мужчин – 61 259, женщин – 59 082 человек¹⁷.

Численность трудмобилизованных немцев возрастала за счет прибывавших немцев-репатриантов. Так, в мае 1945 г. среди возвращавшихся 700 тыс. репатриантов, немцы составлял 207 602 человека. Они также направлялись в трудовые лагеря. Ими были пополнены контингенты немцев в Коми АССР, в Свердловской области, в Таджикской ССР, в Молотовской обл. (до 12 тыс. чел.), в Красноярском крае.

Особую роль в производственной сфере играли немцы на Дальнем Востоке. В Приморском крае (в том числе в Уссурийской обл.), по данным Всесоюзной переписи 1939 г., числились 1911 немцев, в Хабаровском крае (в том числе Амурской, Камчатской, Нижне-Амурской, Сахалинской и Еврейской автономной областях) – 5896 человек. Приморский край обязан

был направить в «трудоармию» 586 граждан немецкой национальности. Хабаровский – 2096 человек. Они направлялись в основном в Селимджанский – Урмийский районы, где использовались на добыче золота и лесозаготовках¹⁸.

Наряду с этим на Дальний Восток трудмобилизованные прибывали по указанию НКВД СССР (постановление ГОКО № 3857 от 2 августа и № 3960 от 19 августа 1943 г.). Из Казахстана на 2300 человек направлялись на строительство объекта № 500, 8500 человек – в угольную промышленность (рудоуправление, золотодобыча, лесное хозяйство, добыча редких металлов, ремонт сельхозмашин и т.д.), из Хабаровского края были мобилизованы из местных немцев 1712 человек (мужчин – 1272, женщин – 440)¹⁹.

Призыв немцев в качестве рабочей силы в «Московугле» – это особая страница в истории советских немцев.²⁰ Для работы на шахтах Подмосковского угольного бассейна, в соответствии с решением ГКО, на декабрь 1942 г. было уже мобилизовано и отправлено 19 637 немцев.

Мобилизованный контингент немцев направлялся также и в отрасли по добыче редких металлов. Например, мобилизованные немцы трудились в золотодобывающей промышленности Якутской АССР, о чем свидетельствует нижеследующий документ: «Справка о количестве спецпоселенцев, расселенных на территории Якутской АССР (по состоянию на июль 1952 г.)» Всего состояло на учете в МГБ Якутской АССР 19 083 спецпоселенцев, в том числе, «власовцев» 5529, выселенных по Указу от 2 июня 1948 г. – 45023, немцев – 4055 человек, «оуновцев» – 2013 чел., выселенных из Прибалтики – 2110 чел., другие контингенты – 153 человека. По данным на январь 1951 г., из общего количества трудиспользовались на предприятиях МВД СССР 11 736 человек.

Следующими отраслями производства, где особенно ощутимыми был труд немцев, явились предприятия нефтяной и газовой промышленно-

¹⁸ Там же. Д. 110, л. 129.

¹⁹ Там же. Д. 256, л. 100.

²⁰ Имеются в виду постановление ГКО № 1123 сс «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» от 10 января 1942 г. и постановление ГКО № 1281 «О мобилизации немцев-мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках» от 14 февраля 1942 г. (См.: История российских немцев в документах. (1763–1992 гг.) / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1993. С. 168, 170).

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 664, оп. 1, д. 19, л. 49 – 50.

¹⁶ Там же. Д. 21, л. 51.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р. – 9479, оп. 1, д. 257, л. 107.

сти, а также лесоразработки Союза ССР. Об этом свидетельствует доклад Наркома внутренних дел Узбекской ССР комиссара госбезопасности 3-го ранга А. Кобулова от 24 февраля 1941 г. (№ 28925) на имя заместителя начальника 2-го Управления НКВД СССР тов. Рахманову (г. Москва).

На территории Узбекской республики мобилизованные немки работали только на нефтеперегонном заводе на станции Ванновская Ташкентской железной дороги (Ферганская область). По плану Наркомата нефтяной промышленности СССР для работы при строительной конторе № 5 предусматривалось принять 1000 лиц немецкой национальности, фактически распоряжением строительной конторы прибыло из Киргизской ССР 992 человека (все женщины немки). Мобилизованные немки прибыли в конце декабря 1942 года.

Под статус «трудмобилизованные» попадали и немцы, проживавшие в Оренбургской (Чкаловской – с 26 дек. 1938 г.) области. По переписи населения 1939 г., в области проживали 18 594 гражданина немецкой национальности. В Чкаловской области зоны «мобилизованных немцев» численностью контингента 4743 чел. (1 января 1944 г.) размещались в Орске, Бугуруслане, Соль-Илецке и с. Домбаровка Домбаровского района [9, 83].

По данным К.А. Моргунова, в феврале 1942 г. на территории Чкаловской области было трудоселенцев в возрасте от 18 до 55 лет – 2388 человек, от 16 до 45 л. – 2963 человек. Получили отсрочку только механизаторы. На начало 1944 г. численность контингента в области составила 4743 человека [10]. На 1949 г. [9, 83] в Чкаловской области насчитывалось 11 879 немцев-спецпоселенцев [9, 83]. А всего на Урале в это время насчитывалось 155 196 немцев-спецпоселенцев [9, 83].

Главный урок истории трудмобилизаций в Союзе ССР в 1920-е – 1940-е годы сводится к тому, что принудительный труд приносил мало пользы в укреплении связей между народами, он оставался трудом без творческого, созидательного начала. Он вел к разрыву семей, потере связи с местом проживания, очагам мобилизованных, вызывал негативное отношение к государству, общественному строю, утрате авторитета власти.

Именно за счет переселенцев пополнялись производственные ресурсы угольного производства. Так, только в угольную промышленность летом 1943 г в границах Казахской ССР, Алтай-

ского и Красноярского краев, Омской, Новосибирской и Кемеровской областей были направлены 7 тыс. немцев. Эти акции повторялись неоднократно.²¹ В разных отраслях промышленности Казахской ССР из немцев-спецпереселенцев 278 148 на середину 1940-х годов находились 16 653 человека, в угольной промышленности восточных регионов страны – 7647 человек.

Часть советских немцев направлялась для работы на *рыбных промыслах*. Этот контингент составил более 20 тыс. человек и был занят в Новосибирской, Омской области, на Дальнем Востоке, в других областях и краях, главным образом на территории Российской Федерации.

По данным Б.У. Серазетдинова, трудоемко использовались к концу 1944 г. в Омской области 9584 калмыка, в Тюменской области – 13 758 калмыков, соответственно 39 607 немцев и 25 730 немцев, в Ханты-Мансийском округе: 6924 человека, 3602 ингерманландских финна. Были среди трудоемко используемых русские, поляки, евреи, украинцы, латыши, эстонцы, армяне. В округе к концу войны оставались из спецпереселенцев 7350 трудоспособных [16а,194-223].

В конце октября 1942 г. появилось и постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) № 1732 «О развитии прибрежного лова рыбы в Белом и Баренцевом морях», «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке». В связи с этим, как замечал заместитель наркома внутренних дел СССР Василий Чернышев, предполагалось направить контингенты и в первую очередь немцев на Лену, Яну и в районы Колымы, в районы северной части озера Байкал. Этот контингент исчислялся в 41 тыс. человек.

Значительное число мобилизованных немцев из более чем 300 тыс. человек трудились в «трудовой армии» честно и добросовестно, выполняя и перевыполняя производственные планы и устанавливавшиеся по военному времени нормы выработки.

Там же рабочими-немцами было собрано свыше двух млн рублей для Красной армии. В эту пору многие из немцев стали передовиками производства и участниками стахановского движения. Эти поступки были отмечены и руководством страны. Один пример. В 1943 г. И. Сталин прислал немцам-трудармейцам «Богословлага» телеграмму следующего содержания: «Прошу передать рабочим, инженерно-техническим работ-

²¹ РГАСПИ. Ф. 644, оп. 1, д. 146, л. 198-109.

никам и служащим немецкой национальности, работающим на строительстве Богословского алюминиевого завода («БАЗстрой». – Н.Б.), собравшим 353 783 рубля на строительство танков и 1 млн 820 тыс. рублей на строительство эскадрильи самолетов, мой братский привет и благодарность Красной Армии».

Проект такого плана к началу августа 1948 г. был подготовлен и передан за подписью заместителя Министра внутренних дел Союза ССР И.А. Серова на имя И. Сталина и Н.А. Вознесенского. Предполагалось, что объем капиталовложений на 1949 год в добывающей промышленности составит 5 млн. руб., что на 33 % больше по сравнению с 1948 годом. Рост капиталовложений по золотодобывающей промышленности составлял 395 млн. рублей, т.е. на 35 % больше по сравнению с 1948 годом. В связи с этим увеличивался объем работы мобилизованных на трудовой фронт и особенно на Севере и Дальнем Востоке.

Особенно проявили себя на трудовом фронте советские немцы в 1950–1980-х годах. Их вклад в восстановление экономики страны колоссальный. Они составляли огромный производственный ресурс во многих республиках Средней Азии и Казахстана. На середину 1950-х годов всего, по данным комиссии, было на учете 727 823 советских немца. Они оставались на поселении главным образом в Казахской ССР, Коми АССР, Алтайском, Красноярском краях, Иркутской, Кемеровской, Молотовской, Новосибирской, Омской, Свердловской, Челябинской и частично в других областях. Трудились немцы, конечно же, в тяжелых отраслях производства. Трудом были заняты 562 тыс. немцев, относящихся к категории трудоспособных.

Трудные испытания выпадали и на долю немцев-переселенцев, трудмобилизованных, занятых в *сельском хозяйстве*. Расселение в значительной части мест производилось путем вселения в существовавшие колхозы и совхозы, рыбооловецкие колхозы, в стройиндустрию и другие отрасли хозяйства.

В сельском хозяйстве работало 300 тыс. советских немцев: в угольной промышленности – 65 тыс. человек; в стройорганизациях разного направления – 29 тыс. человек; на предприятиях металлургической промышленности – 21 тыс. человек; в нефтяной отрасли – 15 тыс. человек; в транспортной системе – 9 тыс. человек; в деревообрабатывающей и бумажной промышленности – 8 тыс. человек. На других объектах народ-

ного хозяйства были заняты 60 тыс. человек²². Условия труда оставались тяжелыми.

К середине 1950-х годов многие немцы уже занимали руководящие должности на производстве. Так, в Новосибирской области председателями колхозов, агрономами, прорабами трудились 293 немца, трактористами и комбайнерами – 2231 человек. В Молотовской области из немцев-спецпереселенцев было 4920 инженеров, механиков, мастеров, технологов, 593 человека работали врачами, агрономами зоотехниками, преподавателями, составляя интеллигенцию села. Они составляли отряд представителей сельской немецкой интеллигенции, деятельность и вклад которой в экономический и духовный потенциал государства пока не достаточно отражены в литературе.

Советские немцы были истинными участниками эпопеи освоения целинных и залежных земель. В 1954–1955 г. 100 немцев Свердловской области, 1253 из 73 127 немцев Челябинской области убыли на освоение целинных и залежных земель.

В 1955 г. было снято с учета спецпоселенцев и освобождено из-под административного надзора органов МВД СССР 740 335 человек, в том числе советских немцев и членов их семей – 695 216 человек, участники Великой Отечественной войны, награжденных орденами и медалями СССР – 18 752 человека, среди них были также немцы²³.

Наряду с краями, областями РСФСР, как известно, немцы пребывали на спецпоселении и в других союзных республиках, в частности, в Туркменской ССР. В этот период ЦК КП Туркменистана сообщал в ЦК КПСС (18 октября 1956 г.), что в республике проживают 2670 немцев (836 семей), взрослого населения – 1603 чел., детей до 16 лет – 1007 человек. Бывшие спецпереселенцы находились на особом учете, и они составляли к этому времени – 476 человек. Из всех немцев в республике трудоспособных было – 1435 человек, занято на промышленном производстве – 731 чел., в сельском хозяйстве – 446 человек. Расселялись немцы в основном в Ашхабаде, Марийской, Ташаузской, Чарджоуской областях. К концу 1950-х годов наряду со спецпереселенцами в республике оставались также 267 немцев-репатриантов²⁴.

²² РГАНИ. Ф. 3, оп. 8, д. 342, л. 143–148.

²³ ГАРФ. Ф. – Р. 9401, оп. 2, д. 480, л. 6–8.

²⁴ Там же. Оп. 31, д. 56, л. 213–215.

Данные по немцам-переселенцам в Казахской ССР, следующие: всего на территории республики было 288 993 человек, из всех советских немцев, высланных по «государственному заданию». Проживали в Акмолинской обл. – 42 703 человека, в Актюбинской обл. – 12 780, Алма-Атинской – 5079, Восточно-Казахстанской – 14 715, Гурьевской – 1532, Джамбульской – 8807, Западно-Казахстанской – 728, Карагандинской – 52 882, Кызыл-Ординской – 1897, Кокчетавской – 30 171, Кустанайской – 30 903, Павлодарской – 24 741, Северо-Казахстанской – 17 135, Семипалатинской – 20 737, Талды-Курганской – 6728, Южно-Казахстанской – 10 707 человек.

Наряду с этим труд советских немцев на благо государства признавался как добросовестным, бескорыстным, подчиненным победе Советского Союза над фашистской Германией, а последующие годы – улучшению жизненных условий в Союзе ССР. Необходимым было решение вопроса по поддержке условий для созидательного труда.

Советские немцы, решая повседневные проблемы, добросовестно трудились, исполняя честно свой гражданский долг перед родиной. В 1950–1970-е годы в среде немцев появилась многочисленная интеллигенция, элиту которой составляли ученые высших учебных заведений страны, преподаватели школ, училищ, техникумов, специалисты в области медицины (Н.И. Мартенс, Бауэр и др.), председатели колхозов, механизаторы. Многие из них были избраны в высшие органы государственной власти (А. Васкер, Ф.Ф. Шнайдер, Я. Геринг и многие другие).

Благодаря своему самоотверженному труду немцы транслировали в общество чувства патриотизма и высокого долга по отношению к отчизне, с которой они связали и свою судьбу. Этим было проникнуто и творчество художников, композиторов из немцев. Успешно трудился крупнейший художник из немцев Поволжья Яков Вебер²⁵, чьи художественные произведения, действительно, полны любви и трепетного отношения к родине, природе, воспитывают

чувство доброты и составляют богатое творческое наследие советских немцев.

Каким же оставалось положение немцев на всей территории Алтайского края? По данным Всесоюзной переписи 1959 г., в крае проживало 143 тыс. (5 % от населения края) советских немцев, а к концу 1960-х годов их численность возросла до 160 тыс. человек. Здесь были расселены немцы, прибывшие в основном из Украины, а также АССР немцев Поволжья. Значительная часть немцев были сосредоточены в Славгородском районе (17 тыс. человек – 52 % от населения района).

Бюро ЦК КП Казахстана особое внимание обращал на интернациональное воспитание населения, включая советских немцев. Они привлекались к общественно-политической жизни республики. На выборах в 1973 г. депутатами местных советов были избраны 6630 немцев, вместо 558 в 1953 году.

Руководителями предприятий, организаций и главными специалистами в различных отраслях народного хозяйства к этому времени уже работало около 60 тыс. человек из числа немцев [6,180–181]. За высокие производственные показатели 16 граждан немецкой национальности были удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда. Только в 1973 г. орденами и медалями Советского Союза были награждены 1268 немцев.

Материалы были обобщены ЦК КП Казахстана и подготовлены предложения по улучшению работы среди немецкого населения Казахстана, получившие отражение в документе «Предложения ЦК КП Казахстана в ЦК КПСС по улучшению работы среди немецкого населения» (23 октября 1973 г.).

К этому времени на территории Казахской ССР оставалось 858 тыс. немцев (6,8 % населения). В номенклатуру ЦК КП Казахстана входили 87 граждан немецкой национальности, занимающие должности секретарей райкомов, горкомов, председателей колхозов, районных советов. На таких должностях работали из немцев 5 начальников районных управлений сельского хозяйства, 69 директоров совхозов.

9 января 1974 г. последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР «О признании утратившими силу законодательных актов Союза ССР в связи с Указом Президиума Верховного Совета ССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан»

²⁵ Я. Вебер родился в с. Голый Карамыш Саратовской губернии (1870 г.) учился в Саратове, Москве, Санкт-Петербурге. Затем жил в с. Мюльберг (Щербаковка). Руководил республиканской изостудией. Заслуженный художник АССР немцев Поволжья. В 1937 г. был арестован и выслан в Казахстан. Реабилитирован в 1956 г. Его работы представлены в музее г. Энгельса. Умер Я. Вебер в 1958 г. (См.: Наше наследие // Нойес лебен. Июль 2010. С. 12).

(№ 5333-УШ). Законодательные акты СССР признавались «утратившими силу»

К середине 1970-х годов немцы проживали в 42 краях и областях Союза ССР. 30 ноября 1975 г. последовало обращение немецких граждан в ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР. В обращении нашел отражение итог преобразований, проведенных на основе принимавшихся нормативно-правовых актов в отношении советских немцев, подвергшихся репрессивным воздействиям со стороны государства. Авторы письма продемонстрировали полную осведомленность жизнью немцев в различных регионах Союза ССР. Вывод их сводился к тому, что Указ Президиума Верховного Совета от 3 ноября 1972 г. не выполняется на практике.

Во второй половине 1970-х годов представителями ЦК КПСС и Советского государства делались заявления о признании существования в СССР проблемы советских немцев и готовности ее решать.

1 марта 1989 г. группа советских немцев обратилась к Генеральному Секретарю ЦК КПСС, председателю Верховного Совета СССР М.С. Горбачеву с предложением о восстановлении автономии немцев Поволжья, в котором излагался также анализ отношений к этой пробле-

ме на разных уровнях власти: позиция местных органов власти против восстановления автономии²⁶, по мнению которых, это могло усилить еще больше отток населения, создать проблемы с производительной силой; позиция местных органов власти в Поволжье – неприятие идей автономии, основа для новых межнациональных конфликтов; и третья позиция – не устраивать новые великие переселения народов. Этой позиции придерживался первый секретарь Волгоградского обкома КПСС²⁷.

С 28 по 31 марта 1989 г. в Москве состоялась Учредительная конференция Всесоюзного общества российских немцев «Возрождение», объединявшего к этому времени первичные областные районные, региональные и республиканские организации до 50 тыс. немцев. В работе конференции участвовали 135 делегатов, из них рабочих – 15, служащих – 84, пенсионеров – 32, студентов – 4. Участники конференции рассмотрели организационные вопросы: о современных проблемах советских немцев, отношении советских писателей к проблемам немцев, о прессе на немецком языке. На конференции было принято решение о создании общественно-политического и культурно-просветительского общества советских немцев «Возрождение» [6, 71–79]. В истории российских немцев начинался новый этап.

Библиография:

1. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 гг. Часть 1. Автономная область. 1918–1924. Саратов, 1992.
2. [Дизендорф В.Ф.] Пояснительная записка к Федеральной комплексной программе становления и развития сообщества немцев Российской Федерации // Становление и развитие сообщества немцев Российской Федерации. Сб. документов. Вып. 1. М., 1996.
3. Жирмунский В.М. Проблемы переселенческой диалектологии // Избранные труды. Общее и германское языкознание. Л., 1976.
4. Записки императрицы Екатерины. Второй. Репринтное воспроизведение издания 1907 г. М., 1989.
5. История и статистика колоний иностранных поселенцев // ЖМГИ. 1855 ч. 54. № 2.
6. История российских немцев в документах. (1763–1992 гг.). М., 1993 /Сост. Ауман В.А., Чеботарева В.Г. М., 1993.
7. История российских немцев в документах. Т. 2. Общественно-политическое движение за восстановление национальной государственности. 1965–1992. М., 1994.
8. Кириллов В.М., Маламуд Г.Я. Исследования по истории репрессий российских немцев // http://www.rusdeutsch.ru/?tagil=2&put=tagil/Book/1_1.htm
9. Клаус А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. СПб., 1869.
10. Маламуд Г.Я. Заключенные, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940 – начале 1950-х гг.: Дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998.
11. Моргунов К.А. Трудовая мобилизация и специфика правового положения немецкого населения Чкаловской области в военные и послевоенные годы // Научно-практическая конференции «Немецкое население на Южном Урале в военное и послевоенные годы. (К 70-летию депортации немецкого населения СССР). 29 апреля 2011 г. Оренбург. Оренбург, 2011.
12. Немцы в истории России. Документы высших органов власти и военного командования. 1652 – 1917 /Ред. совет тома: В.А. Ауман, В.Ф. Баумгертнер, В. Бретт, Н.Ф. Бугай, Н.А. Варденбург, В.Г. Чеботарева, А.И. Эрлих /Сост. – В.Ф. Дизендорф. Серия: Россия XX век. М., 2006.

²⁶ В группе авторов письма были К.К. Бах, Р.Р. Бендер, Г.Г. Вормсбехер, Ю.А. Гаар, Р.А. Корн, Я.И. Лехман и др.

²⁷ См.: Волгоградская правда. 22 февраля 1988.

13. Немцы: 250 лет в России. Т. 2. Документальная история. М., 2012.
14. Немцы-колонисты в Век Екатерины. Сб. док. Российского Государственного архива древних актов по истории организации немецких колоний в Поволжье /Сост.: Е.Е. Лыкова, М.И. Осекина. М., 2004.
15. Обзорение мер по переселению государственных крестьян // ЖМГИ. 1854. Ч. 52. № 7.
16. Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (По неизданным архивным документам). М., 1909.
17. Сравнение числа государственных крестьян по 8 и 9 ревизиям в губерниях Европейской России // ЖМГИ. 1855. Ч. 54. № 1.
18. Свод Законов Российской Империи. Изд. 1857 г. Т. 12. Ч. II. СПб., 1857.
19. Сергеев И.И. Мирное завоевание России немцами. Пг. 1917.
20. Серазетдинов Б.У. Рыбный фронт и его роль...
21. Соловьев С.М. Сочинения. Книга XIII. Тома 25–26. М., 1994.
22. Соловьев С.М. Сочинения. Книга XIV. Том 27–28. М., 1994.
23. Хан С.В. Корейцы в «трудовой армии» в годы второй мировой войны: историографический обзор // http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/2030-9.shtml 24 мая 2011.
24. Чеботарева В.Г. Немецкие колонии Российской империи – «государства в государстве» // Этнографическое обозрение, 1997, № 1.

References (transliterated):

1. German A.A. Nemetskaya avtonomiya na Volge. 1918–1941 gg. Chast' 1. Avtonomnaya oblast'. 1918–1924. Saratov, 1992.
2. [Dizendorf V.F.] Poyasnitel'naya zapiska k Federal'noi kompleksnoi programme stanovleniya i razvitiya soobshchestva nemtsev Rossiiskoi Federatsii // Stanovlenie i razvitie soobshchestva nemtsev Rossiiskoi Federatsii. Sb. dokumentov. Vyp. 1. M., 1996.
3. Zhirmunskii V.M. Problemy pereselencheskoi dialektologii // Izbrannye trudy. Obshchee i germanskoe yazykoznanie. L., 1976.
4. Zapiski imperatritsy Ekateriny. Vtoroi. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1907 g. M., 1989.
5. Istoriya i statistika kolonii inostrannykh poselentsev // ZhMGI. 1855 ch. 54. № 2.
6. Istoriya rossiiskikh nemtsev v dokumentakh. (1763–1992 gg.). M., 1993 /Sost. Auman V.A., Chebotareva V.G. M., 1993.
7. Istoriya rossiiskikh nemtsev v dokumentakh. T. 2. Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie za vosstanovlenie natsional'noi gosudarstvennosti. 1965–1992. M., 1994.
8. Kirillov V.M., Malamud G.Ya. Issledovaniya po istorii repressii rossiiskikh nemtsev // http://www.rusdeutsch.ru/?tagil=2&put=tagil/Book/1_1.htm
9. Klaus A. Nashi kolonii. Opyty i materialy po istorii i statistike inostrannoi kolonizatsii v Rossii. Vyp. 1. SPb., 1869.
10. Malamud G.Ya. Zaklyuchennyye, trudomobilizovannyye NKVD i spetsposelentsy na Urale v 1940 – nachale 1950-kh gg.: Dis... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 1998.
11. Morgunov K.A. Trudovaya mobilizatsiya i spetsifika pravovogo polozheniya nemetskogo naseleniya Chkalovskoi oblasti v voennyye i poslevoennyye gody // Nauchno-prakticheskaya konferentsii «Nemetskoe naselenie na Yuzhnom Urale v voennoe i poslevoennyye gody. (K 70-letiyu deportatsii nemetskogo naseleniya SSSR). 29 aprelya 2011 g. Orenburg. Orenburg, 2011.
12. Nemtsy v istorii Rossii. Dokumenty vysshikh organov vlasti i voennogo komandovaniya. 1652 – 1917 /Red. sovet toma: V.A. Auman, V.F. Baumgertner, V. Brett, N.F. Bugai, N.A. Vardenburg, V.G. Chebotareva, A.I. Erlikh /Sost. – V.F. Dizendorf. Seriya: Rossiya KhKh vek. M., 2006.
13. Nemtsy: 250 let v Rossii. Т. 2. Dokumental'naya istoriya. М., 2012.
14. Nemtsy-kolonisty v Vek Ekateriny. Sb. dok. Rossiiskogo Gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov po istorii organizatsii nemetskikh kolonii v Povolzh'e /Sost.: E.E. Lykova, M.I. Osekina. М., 2004.
15. Obozrenie mer po pereseleniyu gosudarstvennykh krest'yan // ZhMGI. 1854. Ch. 52. № 7.
16. Pisarevskii G. Iz istorii inostrannoi kolonizatsii v Rossii v XVIII v. (Po neizdannym arkhivnym dokumentam). М., 1909.
17. Sravnenie chisla gosudarstvennykh krest'yan po 8 i 9 reviziyam v guberniyakh Evropeiskoi Rossii // ZhMGI. 1855. Ch. 54. № 1.
18. Svod Zakonov Rossiiskoi Imperii. Izd. 1857 g. Т. 12. Ch. II. SPb., 1857.
19. Sergeev I.I. Mirnoe zavoevanie Rossii nemtsami. Pg. 1917.
20. Serazetdinov B.U. Rybnyi front i ego rol'...
21. Solov'ev S.M. Sochineniya. Kniga XIII. Toma 25–26. М., 1994.
22. Solov'ev S.M. Sochineniya. Kniga XIV. Tom 27–28. М., 1994.
23. Khan S.V. Koreitsy v «trudovoi armii» v gody vtoroi mirovoi voiny: istoriograficheskii obzor // http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/2030-9.shtml 24 maya 2011.
24. Chebotareva V.G. Nemetskie kolonii Rossiiskoi imperii – «gosudarstva v gosudarstve» // Etnograficheskoe obozrenie, 1997, № 1.